

дело со стратифицированными обществами, если пользоваться терминологией М. Фрида²⁰.

Понятно, что ритуализованный конфликт не в состоянии изменить объективно обусловленный процесс социально-экономического развития. Скорее он выступает как идеологическое прикрытие тех необратимых перемен, какие уже произошли в обществе. Но не менее существенно и то, что такой конфликт оказывался в ряде случаев эффективным средством массовой психотерапии, успокоения массового сознания, причем одновременно он вводил в это сознание принципиально новый элемент: за ритуалом всегда как нечто само собой разумеющееся стояло утверждение права одного человека на то, чтобы олицетворять и представлять все общество и осуществлять верховное руководство последним. Ведь предметом спора оказывалось уже лишь то, как одному этому человеку наилучшим образом эти функции выполнять. Таким образом, массовое сознание общества и его идеология преодолевали важнейший качественный порог: в них органической частью входила идея подмены коллективного управления общественным организмом управлением одного человека, пусть даже и окруженного группой помощников и советников.

В то же время табу, складывавшиеся вокруг личности правителя, создавали, с одной стороны, возможности, а с другой — реальные пути для возникновения нового высшего социального слоя: позднейшей служилой аристократии, «царских людей» (при всей условности этого термина), связанных с правителем (вождем) не только и даже не главным образом узами кровного родства. Эти перемены протекали параллельно, хотя вовсе не обязательно синхронно, с формированием новых ценностных ориентаций в массовом сознании. Таким образом, представление о божественных предпосылках функционирования общества переносилось на принципиально новый строй, представлявший, собственно, отрицание той основы, коллективистской по своему характеру, на которой сложилось это представление.

В заключение стоит, видимо, отметить, что сопоставление «Форм, предшествующих капиталистическому производству» с анализом становления государственности, проделанным Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», позволяет говорить о том, что основоположники научного социализма подходили к идентичному в принципе решению проблемы возникновения политической организации с разных сторон. Маркс ее рассматривал с точки зрения политической экономии, тогда как Энгельс основывался на анализе конкретно-исторического материала. Необходимость такого анализа была очевидна и для Маркса, как можно видеть по его замечаниям в конспектах книг Л. Г. Моргана и Г. Мэйна: эти замечания развивают далее мысли, высказанные ранее в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»²¹. Однако окончательная формулировка марксистского взгляда на проблему выпала уже на долю Энгельса.

²⁰ *Fried M. H. On the Evolution of Social Stratification and the State//Culture in History. Essays in Honor of Paul Radin/Ed. Diamond S. N. Y., 1960. P. 713—730; Idem. The Evolution of Political Society. P. 185—191, 224—226.*

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 227—372, 373—430.*

А. С. Петрова

**ФЕНОМЕН ОБЩЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЭТНОПСИХОЛОГИИ
(к постановке проблемы)**

По установившейся в советской науке точке зрения, особенности этнической психологии формируются под действием экономических, социально-политических, правовых, историко-культурных и географических фак-

торов¹. В связи с этим перед этнопсихологией как наукой ставится задача показать, как под влиянием всех перечисленных выше объективных условий зарождаются, закрепляются и передаются последующим поколениям традиции, обычаи, привычки, установки, ценностные ориентации, вкусы и предпочтения, морально-психологические и волевые черты и особенности, преобладающие черты социально-психологической сферы, реальные проявления национального самосознания, национальных чувств и настроений². Некоторые советские исследователи³, затрагивая вопросы этнопсихологии, предлагают изучать так называемый «национальный характер» или «психический склад нации», который определяется довольно общо и расплывчато. Однако до сих пор фактически отсутствовали операциональные концепции исследования тех тонких и трудноуловимых феноменов, которые составляют предметную область этнопсихологии.

По справедливому мнению ряда советских авторов, выраженному в ходе недавней дискуссии на страницах «Советской этнографии», этническая психология как явление доступна исследователю только через изучение деятельности, поведения и общения людей данного этноса⁴.

На наш взгляд, центральной категорией, позволяющей конкретно изучить многие аспекты этнической психологии, является *общение*. В науке нет еще установившейся точки зрения на объем этого понятия, его структуру и функции. Разработан ряд частнонаучных подходов к проблеме общения: социологический, социально-психологический, общепсихологический, информационно-семантический и др. В философской литературе не раз отмечалась недостаточная интегрированность этих подходов. Еще ведутся поиски методологии комплексного междисциплинарного изучения общения⁵. Отсутствие единой устоявшейся концепции не должно, однако, препятствовать операциональному использованию понятия общения как такового и его частных характеристик, даваемых различными науками. В выборе центрального понятия, способного обеспечить конструктивный подход к изучению ряда проблем этнопсихологии, решающую роль должна сыграть не столько степень междисциплинарной теоретической разработанности этого понятия, сколько способность отраженного в нем феномена наиболее четко сфокусировать в себе этнические особенности психики в сочетании с открытостью определяемого явления для эмпирического анализа. Выдвинутым критериям в принципе отвечают и такие ключевые для психологии понятия, как деятельность и поведение. Но они несут более широкий характер, чем понятие общения, охватывая практически все стороны социального бытия человека. В то же время общение по сути своей неразрывно связано с поведением и деятельностью (особенно с совместной деятельностью, изучаемой в социальной психологии). Поэтому этнопсихологическое изучение общения может послужить отправным пунктом для более широких исследований этнокультурных особенностей деятельности и поведения.

Общение обеспечивает внутри- и межэтнические связи. Посредством общения передается этнокультурная информация (синхронная и диахронная), необходимая для создания пространственной стабильности и куль-

¹ Малинаускас К. О. О национальной психологии и условиях ее формирования// Коммунист. 1976. № 6.

² Дашдаширов А. Ф. Актуальным проблемам — комплексный реалистический подход// Сов. этнография. 1983. № 4.

³ См., например: Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. Краснодар, 1966; Бороноев А. О. Методологические вопросы исследования национальной психологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969; Джандильдин Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971.

⁴ См., например, Душков Б. А. Актуальные проблемы этнической психологии// Психологический журн. 1981. Т. 2. № 5; Дробизева Л. М. Актуальная задача: союз с социальными психологами// Сов. этнография. 1983. № 4; Кузнецов И. М. Об обыденных этнокультурных психологических представлениях// Сов. этнография. 1983. № 2. Старовойтова Г. В. О предметной области этнопсихологии// Сов. этнография. 1983. № 2.

⁵ Казан М. С. Общение как философская проблема (неопубликованная рукопись. Архив автора).

турной интегрированности этноса⁶. Специфические для данной культурной группы формы общения служат ее консолидации и одновременно отгораживают ее от других групп, т. е. утверждают ее внутреннюю целостность, ее своеобразие и уникальность⁷. В современных индустриальных обществах все большее место занимает профессиональная деятельность, формы которой во многом стандартизованы. Общение, однако, сохраняет этнические особенности дольше и в большей мере, так как меньше зависит от технического прогресса и непосредственно связано со сферой духовной культуры, с психологическими особенностями этноса.

В данной работе мы попытаемся изложить возможные подходы к этнопсихологии через исследование особенностей общения людей, обусловленных их этнической принадлежностью.

Как отмечает М. С. Каган, «детерминация характера общения осуществляется на двух уровнях: на уровне *собственно социальном*, на котором господствующие общественные отношения определяют содержание общения людей; на уровне *культурной жизни* общества, на котором проявляется зависимость форм общения, его языка, способов его реализации от этнических, исторических, классовых, профессиональных, возрастных и т. д. особенностей каждого конкретного типа культуры»⁸. Соглашаясь с этой мыслью, заметим, что детерминация общения господствующими в социуме общественно-экономическими отношениями носит общий характер и не отражает всего многообразия видов общения. Многие особенности общения раскрываются лишь на социально-психологическом уровне. Закономерности этого уровня подчинены общесоциальным, но не исчерпываются ими. Социально-психологические факторы в отличие от общесоциальных имеют, как правило, этническую специфику. Поэтому изучение их влияния на характер общения входит в сферу этнопсихологии. Ниже приводится перечень факторов, определяющих особенности общения в рамках данного общества (этноса):

- I. Изучение этнических особенностей общения, обусловленных *социально-психологическими факторами*: 1) социализацией; 2) социальными нормами; 3) социальными ролями; 4) установками.
- II. Изучение этнического своеобразия общения, детерминированного *культурными традициями*: 1) табу; 2) обычаями, жестко связанными со стереотипными ситуациями; 3) этикетом; 4) социальным символизмом.

Перейдем к более конкретному описанию предложенных подходов. Начнем с рассмотрения общения как явления, детерминированного социально-психологически. Очевидно, что общение людей регулируется социальными нормами, выработанными данным обществом. Эти нормы усваиваются индивидом в процессе его социализации, т. е. в ходе превращения в члена данной культурно-исторической общности путем усвоения им культуры общества⁹. Личность овладевает культурой не стихийно; этот процесс контролируется обществом через институт социальных ролей. Под ролью понимается «функция, нормативно одобренный образец поведения, ожидаемый от каждого занимающего данную позицию»¹⁰. Мы считаем понятие социальной роли ключевым для анализа этнопсихологии общения, поскольку многоплановость этого понятия позволяет рассмотреть сквозь его призму все социально-психологические явления, детерминирующие общение. Освоение социальных ролей в широком смысле включает в себя и социализацию, и интериоризацию моральных норм, и формирование социальных установок. Проигрывание ролей можно считать универсальной формой проявления социально-психологических факторов, обуславливающих общение. Исследование функциониро-

⁶ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества//Расы и народы. М., 1972. Вып. 2.

⁷ Каган М. С. Указ. раб. С. 137.

⁸ Каган М. С. Указ. раб. С. 134.

⁹ Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии//Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 36.

¹⁰ Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 23.

вания системы социальных ролей, характерной для данного этноса — наиболее перспективный путь познания его этнопсихологических особенностей, в том числе и относящихся к общению. Представляется необходимым в связи с этим изложить принятую в современной науке концепцию социальных ролей и их классификацию.

Статусные роли — это так называемые «наследуемые роли», которые человек получает либо с рождения (половая, расовая, этническая роли, роль гражданина определенного государства), либо на каком-то этапе жизни (например, возрастные роли)¹¹.

Для проигрывания таких ролей не требуется занимать соответствующую социальную позицию, это «беспозиционные» роли. Особое значение имеют половая и возрастная статусные роли. Во всех обществах с половыми и возрастными ролями связано разделение труда.

Статусные роли дают возможность и одновременно обязывают овладевать определенными *позиционными* ролями, которые определяются достаточно устойчивым местом в социальной системе, занимаемым личностью. Позиционные роли отличаются тем, что не являются прирожденными и могут неоднократно меняться в течение жизни. Наиболее значительная группа позиционных ролей — профессиональные.

Ситуационные роли — это более или менее фиксированные стандарты поведения и деятельности, не привязанные к определенным позиционным ролям: роль покупателя, роль гостя и т. д. Эти роли подразделяются на специфические и личностные¹². Первые определены внешними условиями: пассажир, покупатель и т. д.; вторые — ценностными ориентациями личности: друг, враг, отзывчивый человек и т. д.

В свете изложенного попытаемся наметить основные подходы к изучению этнопсихологических явлений (и в особенности этнопсихологии общения) в рамках концепции социальных ролей. Некоторые советские исследователи предлагают выделить в ролевом репертуаре личности особую национальную роль (точнее — этническую), которая «формируется на первых этапах социализации через воспитание и является общей для всех носителей данного языка и культуры»¹³. Теоретически такое предложение вполне обосновано (напомним, что У. Герхардт среди статусных ролей называет и этническую). Однако следует отметить, что непосредственное изучение этнической роли как статусной сопряжено со значительными трудностями. Приходится опасаться, что подобные исследования могут не дать конкретных результатов. Это объясняется тем, что этническая принадлежность человека актуализируется в самых разнообразных социальных ситуациях и конкретный характер ее проявления зависит от множества ситуационных и личностных факторов. На наш взгляд, целесообразно выяснить, как этнические особенности детерминируют (в определенной степени) набор и исполнение социальных ролей личности, включая не только статусные, но и позиционные, и ситуационные.

Особенно перспективным представляется изучение в этнопсихологическом плане ситуационных ролей. Стандарты исполнения этих ролей, реализуемые в ежедневно повторяемых ситуациях (встреча, расставание, прием гостей и т. д.), обычно менее функциональны и зачастую содержат много символических, ритуальных, а значит и этнически специфических элементов.

Изучение общения как явления, определенного культурной традицией, практически укладывается в рамки разработанной Б. Х. Бгажноковым «этнографии общения»¹⁴.

¹¹ Gerhardt U. Rollenanalyse als kritische Soziologie. Neuwied und Berlin, 1971. S. 177—179.

¹² Dreitzel H. P. Die gesellschaftlichen Leiden und das Leiden an das Gesellschaft. Stuttgart, 1972. S. 144.

¹³ Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. «Культурный знак» Л. С. Выготского и гипотеза Сепира — Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. С. 5.

¹⁴ См.: Бгажноков Б. Х. Национальная культура и проблема этнографического изучения коммуникативного поведения // Национальная культура и общение. М., 1977; его же. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

Б. Х. Бгажноков включает в предмет этнографии общения традици-онно-бытовую культуру общения: ритуалы приветствий и прощаний, обхождение с противоположным полом, родственниками, гостями, стар-шими, средства и атрибуты общения (жесты, мимика, позы, детали одеж-ды и т. п.). Иными словами, предлагается изучать этикет — формы по-ведения, обхождения, правила учтивости, принятые в данном обществе. Поскольку имеются в виду социально заданные, фиксированные формы общения, то их можно представить в виде системы «стандартов комму-никации»¹⁵. Поэтому, по мнению Б. Х. Бгажнокова, предметом этногра-фии коммуникативного поведения должна являться в первую очередь этнофеноменология общения, т. е. фиксация этнических стандартов общения.

Вместе с тем автор указывает, что крайне важно исследовать то, как коммуникативное поведение личности в различных ситуациях общения опосредуется моральными нормами, специфичными для данного этноса. Это предполагает включение в проблематику этнографии общения про-цессов социализации¹⁶. Необходимо учитывать, в какой мере членами этноса усвоены правила традиционно-бытовой культуры общения, какое место занимают они в системе ценностных ориентаций личности. Ука-занный раздел этнографии коммуникативного поведения Б. Х. Бгажно-ков предлагает назвать этнопсихологией общения. Эта субдисциплина, по мнению автора, призвана углубить и дополнить основное направление работ в области этнографии общения¹⁷.

Описанный выше подход представляет несомненный интерес, но с ним вряд ли можно полностью согласиться. Прежде всего, Б. Х. Бгажноков считает главным изучение этнофеноменологии общения (этикет, ритуал), а этнопсихологии отводит место раздела, объясняющего, как «детерми-нированы психологией» традиционные акты общения. Однако, как будет показано далее, в психологии, в частности в социальной психологии, проблема общения разработана достаточно глубоко. Общение как со-циально-психологическое явление весьма многопланово. И традиционно-фиксированные акты общения, или «стандарты коммуникации», являются лишь частью, хотя значительной и яркой, феномена общения.

Таким образом, по вопросу о соотношении этнографии и этнопсихо-логии общения мы придерживаемся иной точки зрения, чем Б. Х. Бгаж-ноков. На наш взгляд, «этнография общения» является лишь разделом «этнопсихологии общения». В то же время первостепенное внимание к «стандартам коммуникации» имеет важнейшее значение, так как деталь-ное изучение этнофеноменологии общения позволит перейти к решению более сложных и комплексных задач.

Рассматривая формы общения, жестко детерминированные культур-ными традициями, в первую очередь надо сказать о наиболее древних культурных нормах, носящих характер запретов (табу) на определенные типы и разновидности общения. Табу распадаются на *коммуникативные* (языковые, тематические) и *интерактивные* (контактные). Языковые табу — это запреты на произнесение отдельных слов или словосочетаний (например, терминов родства). Тематические табу представляют собой полный отказ от разговоров на те или иные темы.

Контактные табу — это запрет на некоторые или любые виды обще-ния между носителями определенных социальных ролей, например, меж-ду зятем и тещей¹⁸.

По справедливому замечанию С. А. Арутюнова¹⁹, табуироваться мо-гут различные формы не только вербального, но и невербального обще-

¹⁵ Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура//Сов. этнография. 1978. № 5.

¹⁶ Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 209—211.

¹⁷ Там же. С. 213.

¹⁸ Бгажноков Б. Х. Психология и техника коммуникативного поведения адыгов// Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. С. 49.

¹⁹ Устное сообщение С. А. Арутюнова.

ния. В зависимости от вида невербальной коммуникации, на которую налагается запрет, можно выделить табу мимические, паралингвистические, кинетические, проксемические и т. д. (О видах невербальной коммуникации см. ниже.) С. А. Арутюнов также полагает, что любой этикет или сценарий общения состоит из табу, императивов и факультативов. Императив он определяет как некий обязательный минимум в действиях коммуниканта. Сфера табу лежит за пределами дозволенного диапазона таких действий. Наконец, факультативы — это переменные элементы общения, придающие ему информативность и эмоциональную насыщенность. Например, в европейской культуре принято, здороваясь со старшим, пожать протянутую руку; не сделать это невежливо. Человек не должен хлопать старшего по плечу, так как этот жест может расцениваться как вызов. В рукопожатии, улыбке, поклоне можно выразить свое отношение к другому от явно неприязненного до восторженного.

Затем стоит остановиться на культурных традициях, образующих *стереотипные ситуации общения*, т. е. такие воспроизводимые акты общения, которые входят в фонд специфической культуры данного этноса или в субкультуру какой-то группы внутри этноса. Стереотип поведения, соответствующий стереотипной ситуации, может быть функционально «оправдан» (например, иметь магический смысл), а может быть чисто традиционным.

Примером первых стереотипов могут быть ритуальные *благопожелания* — небольшие по объему речевые формулы, используемые в повседневном общении по тому или иному поводу: рождение ребенка, оказание услуг, купля, продажа и т. д. Эти формулы производны от заклинаний и заговоров. Существует также система предписаний, фиксирующих, кто, в какой ситуации и какую формулу должен актуализировать²⁰.

Примером чисто традиционных стереотипов поведения могут быть «этнически-бытовые» знаки у казахов, описанные М. М. Мукановым²¹. Это, например, знак презрения или унижения, знак удивления, знак просьбы и т. д. Из зафиксированных исследователем 28 знаков 22 имеют непосредственные генетические связи с национальными обычаями и кочевым образом жизни казахов, т. е. связаны с историей и бытом этноса.

Общение в стереотипных ситуациях обычно имеет этикетные характеристики. Этикетные формы поведения не являются ритуализованными, но и не преследуют конкретных целей. Это как бы формальная рамка, в которой разворачивается общение. К этикетным формам общения, например, относятся акты приветствий и прощаний. Многообразие их вариантов можно проиллюстрировать следующими примерами: «Эскимосы реки Коппер приветствуют чужеземцев ударом кулака по голове и плечам... Полинезийцы обнимаются и потирают друг другу спину... Двое курдов хватают при встрече друг друга за правую руку, поднимают руки, не разжимая их, и попеременно целуют друг другу руки... Андаманцы садятся друг другу на колени в знак приветствия, обнимаются за шею и при этом плачут; так приветствуют друг друга братья, отец и сын, мать и дочь, муж и жена и даже друзья; интересно, что при этом муж садится на колени жене»²².

К анализу этнокультурной специфики общения целесообразно привлечь также разработанную в науке концепцию социального символизма, трактуемого как одно из проявлений взаимосвязи между социальной структурой общества и его культурой, как регуляция социальных отношений с помощью символических культурных средств, к которым относятся «общепринятые способы, посредством которых личность может (и должна) демонстрировать свое принятие тех социальных отношений,

²⁰ Бгажников Б. Х., Габунина Э. М., Хаджикумова С. И. О генезисе и принципах сопоставительной характеристики благопожеланий//Национальная культура и общение. М., 1977. С. 17.

²¹ Муканов М. М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков/Интеллект и речь (сер. Психология). Алма-Ата, 1972. Вып. II.

²² La Barre W. Paralinguistics, Kinesics and Cultural Anthropology//Approaches to Semiotics. L.—P. 1964. P. 67; цит. по кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения/Сорокин Ю. А. М., 1977. С. 27.

в рамках которых она действует»²³. Иначе говоря, социальный символизм проявляется тогда, когда личность символически демонстрирует окружающим свой социальный статус (статусную или позиционную роль). Элементы социального символизма необходимы для того, чтобы личность могла поддерживать присущее ей или самостоятельно выбранное место в данном социуме, и помогают регулировать характер и круг общения личности. В этом заключается связь между социальным символизмом и общением как социально-психологическим явлением.

Очевидно, что формы символизма, его проявления в различных ситуациях общения имеют выраженную этническую специфику, изучение которой составляет одно из направлений этнопсихологии общения. Из крайне многочисленных этнических форм социального символизма можно упомянуть, например, особую «княжескую» манеру держаться в седле у адыгов; отращивание длинных ногтей китайскими мандаринами; разнообразные головные уборы, символизирующие семейное положение женщин у разных народов мира, и т. п.

Перечисленные подходы к этнопсихологическому изучению общения основывались на факторах, его обуславливающих. Помимо них следует учитывать и структуру феномена общения как такового. В советской социальной психологии предлагается различать в общении три взаимосвязанных аспекта: *коммуникативный, интерактивный и перцептивный*²⁴. Коммуникативная сторона общения (коммуникация) состоит в обмене информацией между общающимися. Интерактивная — представляет собой организацию различных типов взаимодействия между людьми (кооперация, конкуренция и т. д.). Перцептивный аспект общения означает восприятие друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания.

Передача любой информации возможна лишь посредством знаковых систем. Обычно одновременно и параллельно используется несколько знаковых систем, в соответствии с которыми можно построить классификацию коммуникативных процессов.

I. *Вербальная коммуникация* в качестве знаковой системы использует речь. II. *Невербальная коммуникация* использует четыре неречевые знаковые системы, поэтому можно выделить четыре формы невербальной коммуникации: 1) *кинесика* (оптико-кинетическая система знаков): жесты, мимика, пантомимика; 2) *паралингвистика* — вокализация; сюда относится и *экстралингвистика* — паузы, темп речи, покашливание, смех; 3) *проксемика* — нормы пространственной организации общения; 4) *визуальное общение* — зрительный контакт.

В соответствии со структурой общения можно определить и его функции, которых тоже три: *информационно-коммуникативная; регуляционно-коммуникативная; аффективно-коммуникативная*²⁵.

Особую актуальность в этнопсихологическом плане имеет исследование невербальных средств общения, поскольку вербальные средства уже активно изучаются лингвистикой и этнопсихолингвистикой.

Включение оптико-кинетической системы знаков в ситуацию коммуникации придает общению особые нюансы, неоднозначные при употреблении одних и тех же жестов в различных национальных культурах. Например, в западноевропейских странах поднятый большой палец используется как знак одобрения, высокой оценки, в то время как в Греции тот же жест рассматривается как оскорбление²⁶.

Сильную модификацию движений (мимика и жесты) человека в различных культурах подчеркивают все исследования невербального поведения. Ограничения, накладываемые каждой культурой на жестикуляцию, порой настолько строги, что существенно затрудняют общение пред-

²³ Басин Е. Я., Краснов В. М. Социальный символизм // Вопр. философии. 1971. № 10.

²⁴ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 97—105.

²⁵ Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивидов // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 85.

²⁶ См. Collett P. Meetings and Misunderstandings // Cultures in Contact. Studies in Cross-Cultural Interaction/Bochner St. Oxford etc., 1982. P. 81—99.

ставителей разных культур даже при знании ими соответствующих вербальных языков. В зависимости от жесткости ограничений культурного характера американский исследователь Лабарр выделяет следующие группы жестов и выражений лица.

1. Движения, которые во многом предопределены генетически и значение которых в разных культурах варьирует в целом несущественно: смех, плач, улыбка.

2. Движения, принятые только в рамках данной культуры и либо никак не интерпретируемые представителями других культур либо имеющие для них другое значение,— некоторые формы утверждений, отрицаний, приветствий.

3. Движения, неадекватное употребление которых влечет за собой санкции, например поцелуй и другие движения, связанные с сексуальным поведением.

Эта классификация охватывает большинство эмпирически исследованных коммуникативных движений²⁷.

Кроме межкультурных различий некоторые исследователи отмечают различия в жестах и внутри отдельных культур (например, между субкультурами мужчин, женщин и детей в арабских странах).

Результаты экспериментов Уотсона подтверждают этнические различия в невербальном общении, протекающем на уровне визуального (зрительного) контакта²⁸. Исследователь брал пары студентов из различных стран. Было обнаружено, что наиболее пристально смотрят друг на друга во время разговора арабы и латиноамериканцы. Резко отличаются от них в этом отношении индийцы и жители Северной Европы. В межкультурных контактах возможны недоразумения: слишком пристальный взгляд может трактоваться как неуважение, угроза или оскорбление, а уклонение от прямого взгляда нередко расценивается как невнимательность, невежливость и беспечность.

Проксемическое поведение некоторые исследователи считают также предметом невербальной коммуникации. Однако следует заметить, что проксемика, в отличие от речи, мимики, жестов и т. д., является не средством общения, а скорее его атрибутом. Термин «проксемика» имеет два значения. Под ним понимается и сама пространственная организация общения, и раздел социальной психологии, изучающий ее. Основоположник этой дисциплины Э. Холл под термином «проксемика» понимает «взаимосвязанные наблюдения и теории об использовании человеком пространства, опосредованного культурой»²⁹.

Зарождение проксемики было связано именно с изучением этнических различий в пространственной организации общения. Однако следует отметить, что в одной из более поздних обзорных работ³⁰ указывается, что влияние этнической принадлежности на величину личного пространства³¹ нельзя считать достоверно установленным.

Национально-культурные различия в интерактивной стороне общения могут проявляться в силу хозяйственно-культурных особенностей деятельности, в процессе которой возникает взаимодействие, а также в результате различных правил поведения по отношению к партнеру по деятельности, принятых в различных этносах. Гипотетически можно предположить, что возраст, статус, пол коммуникантов, отсутствие или наличие родственных связей, а также время и место взаимодействия будут различно влиять на организацию даже идентичной деятельности у представителей разных культур.

²⁷ См. Миккин Х. Х. Роль коммуникативных движений в межличностном общении: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.

²⁸ Watson O. M. Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study Mouton. The Hague. 1970. P. 17.

²⁹ Hall E. T. The Hidden Dimension. N. Y. 1968. P. 17.

³⁰ Hayduk L. A. Personal Space: An Evaluative and Orienting Overview//Psychological Bulletin. 1978. V. 85. № 1. P. 117—134.

³¹ Под «личным пространством» понимается окружающее человека пространство, вторжение в которое вызывает у него дискомфорт.

Наконец, перспективно и этнопсихологическое исследование *перцептивной* стороны общения. Как объектом, так и субъектом социальной перцепции может быть не только личность, но и любая группа людей. В связи с этим ставится задача изучения того, как воспринимают друг друга этнические общности, их отдельные группы или же отдельные представители. Анализ перцептивной стороны межличностного и межгруппового общения приобретает особую актуальность при изучении межэтнических контактов. Уже давно предметом внимания зарубежных исследователей являются особенности межэтнической перцепции и неразрывно связанные с ними проблемы авто- и гетеростереотипов, этнических предрассудков и т. д. Подобного рода исследования последнее время появились и в нашей психологической литературе³².

По мнению Б. А. Душкова³³ и А. А. Бодалева³⁴, межэтнический аспект социальной перцепции должен быть основным предметом этнопсихологических исследований восприятия человека человеком. Однако межэтническая проблематика далеко не исчерпывает всего круга вопросов, затрагиваемых при этнопсихологическом изучении перцептивной стороны общения. Не меньшее значение имеет исследование этнических особенностей восприятия, которые усваиваются каждым индивидом в процессе социализации в данной этнокультурной среде. Определяющие восприятие социокультурные нормы, интериоризованные индивидом, могут актуализироваться им неосознанно. Субъекту восприятия в таких случаях кажется, что «он просто так видит». Например, жители Тробрианских островов воспринимают внешнее сходство сына лишь с отцом, но не с матерью. Поэтому в их восприятии единоутробные братья никогда не похожи друг на друга³⁵. В другом случае, описанном М. Херсковичем, африканская женщина не могла узнать по фотографии своего сына и сделала это только после ряда подсказок³⁶.

Конечно, такого рода примеры относятся только к архаичным обществам, где ведущая роль в социальной жизни принадлежит отношениям родства. В современных индустриальных обществах восприятие человека человеком опосредуется гораздо более разветвленной системой этических, эстетических и ценностных ориентаций, поэтому выявить этнокультурные особенности перцепции весьма сложно. К тому же на социальную перцепцию влияют многочисленные переменные, не имеющие этнокультурного характера: образование, профессия и т. д. Даже роль в восприятии таких универсальных факторов, как пол и возраст, в современном обществе значительно усложняется и дифференцируется. Возможно, именно ввиду сложности этих проблем вопрос этнокультурной детерминации восприятия человека человеком до сих пор остается неразработанным. В многочисленных трудах советских ученых, посвященных проблемам межличностного восприятия, этническая принадлежность субъектов не рассматривается даже на уровне простого дифференцирующего фактора. Практически отсутствуют и специальные работы, освещающие этнокультурные особенности социальной перцепции. Можно отметить лишь исследование А. Оконешниковой, посвященное особенностям распознавания эмоций по выражению лица, проведенное среди якутов и русских³⁷.

³² См., например: *Кцова Г. У.* Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Ин-т психол. АН СССР, 1985; *Нойман Р.* Особенности межличностного восприятия в международных трудовых коллективах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1985. О психологии национальных отношений в свете данных этносоциологии см., напр.: Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 347—418.

³³ Душков Б. А. Указ. раб. С. 47.

³⁴ Бодалев А. А. Личность и общение. М., 1983. С. 50.

³⁵ *Malinowski B.* The Father in Primitive Psychology. N. Y. 1927//Цит. по: Handbook of Cross-Cultural Psychology/Triandis H. Boston etc., 1980. V 1. P. 41.

³⁶ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977. С. 86.

³⁷ Оконешникова А. П. Опыт интерпретации мимики представителями различных этнических групп//Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения. Краснодар, 1978.

Завершая наш обзор подходов к этнопсихологическому изучению феномена общения, еще раз подчеркнем, что в конкретных исследованиях все эти подходы неизбежно будут тесно переплетаться между собой. Возьмем для примера такой этнокультурный аспект общения, как социальный символизм. Тщательно описав его формы в различных ситуациях общения, т. е. раскрыв его феноменологию, мы затем должны конкретно проанализировать социально-психологическую суть этого феномена, связанного с проигрыванием определенных социальных ролей (см. выше). В то же время проявления социального символизма зависят от действующих социальных форм — ведь одни и те же формы поведения могут интерпретироваться по-разному в зависимости от законов, обычаев, моды и т. п. Формы социального символизма связаны также и с установками индивида (например, на акцентирование своего социального статуса). Наконец, интуитивные понятия о символическом поведении и его функциях усваиваются вместе с интериоризацией социальных норм, т. е. в процессе социализации.

Сопоставляя явление социального символизма с отдельными аспектами общения, можно заметить, что наиболее тесно этот феномен связан с перцепцией, благодаря которой символическое поведение только и может достичь своей цели. Вместе с тем, преломившись через восприятие партнеров по общению, социальный символизм влияет и на способ обмена информацией (коммуникацию), и на организацию согласованных действий (интеракцию).

Нынешний этап развития советской этнопсихологии характеризуется тем, что на фоне продолжающихся споров о задачах и методологических основах этой отрасли знания появляются первые эмпирические исследования, ставящие перед собой конкретные задачи³⁸. В такой ситуации особую актуальность приобретают поиски не только методологических принципов, но и конкретных методик. При этом не следует игнорировать опыт, накопленный за рубежом. Этнопсихологические исследования там ведутся по двум направлениям, одно из которых — «психологическая антропология» — развивается в русле этнографии (культурной антропологии), другое же — кросс-культурные исследования³⁹ — рассматривается как часть психологической науки. Психологическая антропология опирается в основном на метод наблюдения, зачастую включенного, дающий возможность психологически интерпретировать этнические особенности поведения, не прибегая для этого к созданию искусственных ситуаций и вообще к каким-либо специальным процедурам. Кросс-культурные исследования, напротив, носят в основном экспериментальный характер. В них применяются методики, заимствованные из других областей психологии и соответственным образом модифицированные. В последнее время наблюдается тенденция к сближению обеих субдисциплин, основанная на осознании их взаимодополняемости, на понимании того, что, с одной стороны, результаты эксперимента должны интерпретироваться в широком социокультурном контексте, а с другой — что выводы из наблюдений должны верифицироваться строгими экспериментами. Очевидно, такой комплексный методический подход может стать основой и отечественных этнопсихологических исследований.

Ошибочно было бы представлять себе дело так, что этнограф, занимаясь этнопсихологической проблематикой, может заимствовать методики, разработанные в общей и социальной психологии и применять их в своих исследованиях, не ставя перед собой вопроса, насколько данная

³⁸ См., например: *Нургалиев К. А.* Этнопсихологические особенности решения проблемных ситуаций: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1984; *Этническая психология (этнические процессы и образ жизни людей)/Андреева Н. Н. М., 1984.* Заметим, однако, что в области конкретных исследований не всегда четко дифференцируются этнопсихологическое и этносоциологическое направления. Например, в недавно вышедшем содержательном сборнике «Этнические стереотипы поведения» (Л., 1985) под рубрикой «Этнопсихологические аспекты изучения поведения» помещены в основном статьи этносоциологического характера.

³⁹ Иногда термин «Cross-Cultural Studies» переводится у нас как «сравнительно-психологические» или «межкультурные» исследования.

методика адекватна поставленным задачам, насколько она адаптирована к данной этнокультурной среде и, наконец, в какой степени полученные результаты можно трактовать как свидетельство реальных этнокультурных различий психологического плана. Необходима прежде всего строго научная постановка проблемы, на основе которой должен строиться инструментальный аппарат. В большинстве случаев исследователи не создают принципиально новых методик, а кладут в основу своей работы уже имеющиеся, комбинируя и модифицируя их. Тем не менее каждая отдельная методика или батарея методик, используемая в конкретном исследовании, по-своему уникальна. Например, в отечественной науке проведен ряд исследований, выполненных на основе предъявления испытуемым однотипного стимульного материала — фотографий людей. Но при этом в одном исследовании изучалось влияние социальных установок на восприятие⁴⁰, в другом — роль внешности человека в этнической идентификации⁴¹, в третьем — профессиональные особенности восприятия⁴² и т. д. В зависимости от задач исследования испытуемым давались различные инструкции, а значит, методика исследования в каждом случае была индивидуальна.

В психологии имеется также ряд методов, на основе которых можно разрабатывать конкретные методики для анализа весьма широкого спектра проблем. К таким методам, например, относится семантический дифференциал Осгуда, принцип которого используется для построения различных методик, применяемых в психологических исследованиях, в том числе и кросс-культурных⁴³. Ограничившись этим примером, повторим, что существование подобных генерализованных методов лишь упрощает стоящие перед исследователем методические задачи, но никогда не снимает их полностью.

Как уже отмечалось, в настоящее время для успешного развития этнопсихологических исследований более всего необходима постановка четко сформулированных конкретных проблем, хотя бы и ограниченных по масштабам. В этой связи целесообразно сосредоточение усилий на изучении этнокультурно обусловленных черт общения, причем не только межэтнического, активно исследуемого в советской этносоциологии, но и внутриэтнического. Задача исследования внутриэтнических особенностей наряду с изучением межэтнического общения соответствует расчленению предметной сферы этнопсихологической науки, предложенному Б. А. Душковым. По его словам, «в этнической психологии можно выделить два раздела. Проблематику первого составляют вопросы конкретно-исторических этнопсихологических особенностей людей в той или иной общности или группе, второй раздел — сфера межэтнических отношений, межэтническое общение»⁴⁴.

Заметим, что при изучении общения эти две линии этнопсихологических исследований (на внутриэтническом и межэтническом уровне) тесно взаимосвязаны. С одной стороны, исследования межэтнического общения требуют знаний об особенностях всех аспектов общения внутри этноса, так как этноспецифические стандарты действуют и тогда, когда этнофор входит в сферу межэтнических контактов. С другой стороны, эти стандарты не существуют как «вещь в себе» и познаются лишь в ходе сравнительно-психологических исследований. При этом нередко именно психологический анализ межэтнических контактов может дать необходимый материал для изучения собственно этнических черт общения. Раз-

⁴⁰ Бодалев А. А. Указ. раб. С. 120.

⁴¹ Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления//Сов. этнография. 1977. № 3.

⁴² Кукосян О. Г. Профессиональные особенности познания людьми друг друга// Научные сообщения советских психологов к XXII Международному психологическому конгрессу. М., 1980.

⁴³ См., например: Osgood C. E. The Cross-Cultural Generality of Visual-Verbal Synesthetic Tendencies//Behavior Science. 1960. 5. P. 146—169; Петренко В. Ф., Стенина И. И. Психосемантические методы исследования социальной перцепции ребенка// Семья и формирование личности. М., 1981.

⁴⁴ Душков Б. А. Указ. раб. С. 44.

витне обоих направлений в этнопсихологических исследованиях общения может существенно способствовать совершенствованию методического аппарата этнопсихологии, накоплению достоверных этнопсихологических данных, в которых пока ощущается острый недостаток.

Я. В. Чеснов

К ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

**(на примере традиционной
абхазской культуры)**

Слово «жизнедеятельность» по отношению к людям часто охватывает все аспекты человеческого существования. Разработка понятия «жизнедеятельность» в приложении к индивиду и этносу представляет собой одну из задач этнографии¹. В этой науке активно разрабатывается одно из направлений, смежных с изучением жизнедеятельности,— теория локальных систем (культур) жизнеобеспечения. В последние годы им уделяют особое внимание как антропологи и этнографы², так и представители медико-биологических наук³. В исследованиях систем (культур) жизнеобеспечения акцент делается на социально организованных способах удовлетворения витальных интересов членов общества.

Изучение механизмов общественного обеспечения жизненных потребностей людей ведется в этнографической науке давно и в самых разнообразных планах. Сюда относятся такие теории и концепции, как понятие хозяйственно-культурных типов⁴ и антропогеоценозов⁵, концепции исторических типов образа жизни⁶, нормативной культуры и культуры общения⁷. Методологическое единство для рассмотрения этих разнообразных концепций может быть обеспечено общей теорией этноса, куда все эти вопросы входят как составные части⁸. Указанные теории и концепции, и прежде всего теорию систем (культур) жизнеобеспечения, мы будем постоянно иметь в виду, выделяя жизнедеятельность человека как предмет этнографического исследования.

Индивиды отличаются друг от друга характером реагирования на социальные и физические влияния среды. Эти различия нельзя полностью свести к генетическому разнообразию людей. В процессе деятельности человек занимает активную позицию, предполагающую устойчивость его целей и его самого как субъекта деятельности. Методы, которыми до-

¹ Ряд вопросов, касающихся этой темы, освещен в книге: *Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г.* Создано человечеством. М., 1984 (особенно в главе «Культура и экология»).

² *Алексеев В. П.* Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика//Природа. 1975. № 7; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 245—256; *его же.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 212—232; *Культура жизнеобеспечения и этнос.* Ереван, 1983; *Чеснов Я. В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

³ См., например, *Казначеев В. П.* Очерки теории и практики экологии человека. М., 1983.

⁴ Одна из обстоятельных последних публикаций: *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира. М., 1985.

⁵ *Алексеев В. П.* Указ. раб.

⁶ *Периц А. И.* Проблемы нормативной этнографии//Исследования по общей этнографии. М., 1979; *его же.* Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры?//Этнографические исследования развития культуры. М., 1985; *Марков Г. Е.* Структура и исторические типы образа жизни//Там же; *Шкаратан О. И.* О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности//СЭ, 1984. № 6.

⁷ *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

⁸ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 204—213; *его же.* Современные проблемы этнографии. С. 81—175; *его же.* Очерки теории этноса.